

С.М. Федюнина*, А.Е. Федюнин**

Мультикультурализм в государственной политике: российский опыт

Переопределение идеологических приоритетов государственной политики и расширение возможностей жизненного выбора людей по-новому формулирует повестку дня в сфере культурной индустрии и духовной составляющей в повседневной жизни людей. В таких условиях этнонациональная концепция политики может проявлять свои негативные аспекты, способствуя росту конфликтов. Вместе с тем на фоне процессов автономизации территорий и фрагментации национальных государств возрастает роль мультикультурализма как интегрирующей политики, способной препятствовать процессам разобщения и форсировать развитие в странах с переходной экономикой.

В социологии выделяют два основных подхода к интеграции полиэтничного населения: ассимиляционную модель, или «плавильный котел», при которой бремя и тяготы процесса интеграции ложатся в основном на самих мигрантов, и модель признания различий, или мультикультурную модель, переносящую акцент на создание условий для интеграции, т.е. на усилия принимающей стороны.

Отличие России от Канады, США и ряда европейских стран в том, что этническое «небольшинство» — это прежде всего «народы, живущие преимущественно на своей территории (даже если речь идет о разных этнических группах, проживающих на одной и той же территории), — так сложилось наше государство как полиэтническое»¹. Для такого полиэтни-

* Зав. кафедрой русского языка, прикладной лингвистики и методики обучения Саратовского государственного технического университета, кандидат филологических наук, доцент.

** Доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Саратовского юридического института МВД России, кандидат технических наук.

¹ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2002. С. 8.

ческого государства, как Россия, проблема интеграции формулируется значительно шире, чем вопрос включения в сообщество мигрантов. Принимающим обществам в рамках интеграционного процесса следует решать и такие вопросы, как: «Должна ли новая идентичность мигрантов совпадать с общегосударственной идентичностью принимающего общества, каковы пределы допустимых совмещений и расхождений гражданской, локальной, этнической идентичностей и каково должно быть отношение общества к тем, кто сохраняет элементы своей старой идентичности?»².

Этнокультурный облик нашей страны отличается большим разнообразием, которое обусловлено большой территорией, природно-климатическим разнообразием, особенностями истории государства и его политики в отношении многокультурного населения. В СССР «национальный вопрос» был отличительным признаком советской политики. Так, в первой Советской конституции 1924 г. специально говорилось о равенстве народов, населяющих Советский Союз. Идеология находила свое выражение в культурных практиках, отражаясь и распространяясь через СМИ и массовые жанры искусства. В самом деле в СССР как нигде в мире осуществлялось интенсивное культурное производство. Это было связано с тем, что существовавший строй, не способный обеспечить преимущества в хозяйственном обустройстве людей, тратил огромные материальные и пропагандистские усилия на развитие культуры и образования.

Термины «национальный вопрос», «национальная политика», «национальные отношения» и другие языковые производные утвердились в отечественной научной традиции и в общественно-политической практике в советское время и были связаны прежде всего с «нациестроительством» и с отказом от признания в качестве нации гражданского (государственного) сообщества³. Не гражданское общество, а этническое образование выступают основой для государства-нации. Даже сама дискуссия об употреблении понятий «российский» и «русский» (применительно к культуре, государственности, традициям) свидетельствует о различных позициях в определении своей общности — по критерию гражданства либо этничности, что, в свою очередь, отражает два реальных исторических процесса: становление гражданской нации в России (начиная со второй половины XIX в. и вплоть до 1917 г.) и конструирование этнонации на базе существующих или воображаемых этнических различий советской властью (чему особенно способствовала практика создания федеральных субъектов по этническому признаку, обязательная паспортная регистрация своей национальности «по крови»).

В таком контексте представляется вполне оправданным призыв некоторых этнологов, социологов, философов о сознательном переходе к новой доктрине национальной солидарности, связанной с созданием российской нации на основе двойной идентичности — традиционно-культурной и гражданской. Понятие российской нации в этом случае не будет иметь этнического значения (как не имеют такого значения понятия «канадская нация» или «британская нация»).

² Щедрина О. Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? // Социс. 2004. № 11. С. 67.

³ См.: Тишков В. Трудное прощание с этнонационализмом // <http://www.eawarn.ru/pub/AnnualReport/AnnualReportWebHome2003/2003Anrep03.htm>.

В. Тишков связывает процессы нациестроительства и создания государств-наций с «огосударствлением политической карты мира в период деколонизации», когда «обустройство новой глобальной единицы деления мира — “национального государства” — потребовало сконструировать миф о национальной консолидации или национальном единстве как обязательной характеристике современного государства». Этот глобальный проект в целом осуществлялся успешно, а проблемы «межобщинных трений и этнорасовое недовольство воспринимались как трудности переходного периода на пути национальной интеграции. Культурно отличающиеся от доминирующей “нормы” части населения, особенно иммигрантские группы, рассматривались как “переходные группы”, которые должны были влиться в существующее “национальное ядро”»⁴.

Вопросы национальной политики были неотъемлемой частью коммунистической идеологии. Концепция национального вопроса в своей основе не претерпела сильных изменений со времен 1920-х гг.⁵ Как указывает В. Тишков, «в СССР “многонациональность” и “дружба народов” были своего рода визитными карточками страны, а в реальной политике советского времени “национальная форма социалистической культуры” была в частичном смысле той же самой политикой мультикультурализма. При всех издержках и даже преступлениях, имевших место в советской политике в отношении меньшинств, этническое разнообразие признавалось и поощрялось, причем не только в сугубо культурных областях (искусство, литература, наука, образование), но и в социально-экономической и политической сферах»⁶.

Клише «многонациональное по форме, социалистическое по содержанию» относилось не только к творчеству народов, но и к их самосознанию. Статус этноса в межэтнических коммуникациях и тип его взаимоотношений с другими этносами в науке, политике и на практике определяется целым рядом факторов, среди которых наиболее важными являются «численность этноса, его миграционная подвижность и наличие у него необходимых ресурсов для воспроизводства и развития своего языка и культуры. В зависимости от сочетания этих факторов в этнологии все этнические общности принято делить на этнические меньшинства, коренные народы и титульные народы»⁷.

Сегодня определения коренных и титульных народов характеризуются как нанешие вред межэтническим отношениям и стабильности социума в целом. Однако и в советское время иерархии различных этнических групп были вполне ощутимыми, в частности, проблема их доступа к власти стояла остро, хотя официальная пропаганда старалась ее замолчать. Вместе с тем это являлось одной из причин неравноправия в обществе и возникновения межнациональных противоречий, что выражалось в недовольстве части интеллигенции некоторых национальностей. Это касалось в первую очередь

⁴ См.: Тишков В. Поле многонациональности: культурная мозаика и этническая политика в России // Знамя. 2003. № 3. С. 181.

⁵ См.: Копченова И. Проблемы изучения историографии национальной политики в СССР в послевоенные годы (1946–1953 гг.) // <http://www.nationalism.ru/articles/buhovets.shtml>.

⁶ Тишков В. Поле многонациональности. С. 183.

⁷ Садохин А., Грушевицкая Т. Этнология. М., 2000. С. 248.

представителей депортированных народов: немцев, крымских татар, турок-месхетинцев. Так, в Узбекистане в первые десятилетия советской власти упор делался на «коренизацию». В 1928 г. ЦИК и СНК Узбекской ССР приняли постановление «О узбекизации государственного аппарата»⁸.

Попытка переформулировать основания нациестроительства в СССР была предпринята в 1970–1980 гг. в форме концепции «советского народа как новой исторической общности». Однако излишняя идеологизированность этой концепции не позволила ей утвердиться в полной мере, хотя советский народ как гражданско-политическая и как социально-культурная общность, безусловно, существовал⁹.

Гражданство связано с целой системой статусных отношений, во многом определяя политический, правовой, социальный и экономический статус субъекта. Здесь возникают вопросы связи между мультикультурализмом, гражданством, национальностью и этничностью. Яркий пример этой связи приводит З.В. Сикевиц: «... в прибалтийских государствах социальная иерархия наряду с иными признаками обусловлена наличием или отсутствием гражданства этих стран: более высоким статусом обладают граждане (а это, главным образом, представители титульного народа), а более низким – “не граждане” (подавляющее число лиц, не принадлежащих к “коренному” населению)»; «именно с этим, скорее всего, связана неявная причина столь громких протестов со стороны представителей ряда российских народов, в частности, Татарстана и Башкирии, относительно отсутствия графы “национальность” (пресловутого “пятого пункта”) в российских паспортах нового образца»¹⁰.

Мировая практика, международные отношения во второй половине XX в. свидетельствовали о возрастании роли национальной государственности, которая становилась нормой, глобальным правилом. Процессы развития государств-наций не утихли и до сих пор, хотя в современных мировых тенденциях развития прочные позиции занял термин «транснационализм»¹¹, поскольку деньги, труд, образы и стили жизни, информация и идеи сегодня не знают границ. В конце XX в. экономические достижения, ослабление глобального противостояния, либерализация многих политических режимов, усиление мировых миграционных потоков снизили «одержимость нациестроительством». Вместе с гомогенностью и ассимиляцией сохранялись языковые и другие культурные различия, а некоторые, казалось бы, этнически однородные нации стали гораздо более сложными по составу из-за приема в свои ряды новожителей – мигрантов. По мере улучшения социальных условий жизни культурные различия приобретали все большее значение для отдельных людей и для малых сообществ. Однако процессы были разнонаправленными.

Рушились империи, союзные и псевдофедеративные государства, возникали новые государства-нации, народы которых реализовывали свои права на самоопределение как мирным, так и военным способом. В этой

⁸ См.: Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. С. 107.

⁹ См.: *Тишков В.* Трудное прощание с этнонационализмом.

¹⁰ *Сикевиц З.В.* О соотношении этнического и социального // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. № 2. 1999. С. 79.

¹¹ См.: *Bader V.* Citizenship and sovereignty: The cultural conditions of transnational citizenship: On the interpenetration of political and ethnic cultures // *Polit. theory*. Beverly Hills; L., 1997. Vol. 25. № 6. P. 771–854.

связи благоприятные условия сложились для возрастания национальных движений, национального самосознания, национализма и националистической идеологии. Политическая целесообразность строительства нации в таких обстоятельствах оправдывала дискриминацию по этническому принципу, ксенофобию и националистический радикальный экстремизм.

Национальные и этнические проблемы являются одними из наиболее острых и болезненных в современном мире. Глобальная политическая и социально-экономическая трансформация, начатая в России в 1980-е гг., привела к серьезным переменам не только в экономической, но и в социальной жизни ее населения. Стала качественно меняться и сама социальная структура российского общества, и социальный статус многих ее членов. Материалы статистики и массовых опросов показывают, что эти процессы имеют заметную этнорегиональную специфику, которая связана как с особенностями ситуации в различных регионах, так и с различиями в социально-культурном развитии этнонациональных общностей в прошлые годы¹². При этом некоторые аспекты национального государства приводят к усилению националистических настроений, а другие теряют свою силу в результате субнациональных (этнических) процессов, супранациональных процессов (поощрение и возникновение транснациональных экономических и политических пространств) и системных процессов в социальном государстве¹³.

Так, распад СССР, затем суверенизация республик с начала 90-х гг. коренным образом изменила в них этносоциальный состав руководства. Заботясь о сохранении этнонации, родного языка, о поддержке и развитии национальной культуры, традиций, быта, этническая элита фактически узурпировала там власть¹⁴. Еще одним феноменом нового этнического неравенства вследствие реструктуризации государства-нации стала трансформация отраслевой структуры населения.

Национальная идентичность может выступать в роли общегражданского самосознания, однако, как указывает З.В. Сикевич, «ценность этнического происхождения в сознании многих народов России все еще заметно превышает значимость общегражданской идентичности»¹⁵.

Феномен диаспор представляет особое поле дебатов в связи с концепциями интеграции и мультикультурализма. Нередко исследователи фокусируются на социально-психологических измерениях человеческого опыта, анализируя жизнь этнической группы в иноэтнической среде. В частности, А.Г. Вишневский в своей работе на примере шести диаспор (армянской, еврейской, немецкой, русской, татарской и украинской) рассматривает развитие и функционирование данной формы существования этноса в постсоветский период. В отличие от «классической» диаспоры, сохраняющей этничность в «рассеянии», как показывает автор, основная функция современной диаспоры — содействие адаптации и укоренению людей, вынуждено или добровольно покинувших свою родину, к новой социально-

¹² См.: Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. С. 25.

¹³ См.: *Faist T.* Transnationalization in international migration: Implications for the study of citizenship and culture // *Ethnic a. racial studies*. L., 2000. Vol. 23. № 2. P. 189–222.

¹⁴ См.: Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. С. 109.

¹⁵ Сикевич З.В. Указ. соч. С. 79.

культурной среде. При этом главным противоречием данной институциональной структуры выступает существование индивидуума в двух, часто трудно совместимых культурных средах, чреватое кризисом этнокультурной идентичности. Возможно, предполагает Вишневский, что современная диаспора — временное явление, поскольку процессы информатизации и глобализации неизбежно подводят человека к выбору между ценностями принимающего общества и регионом исхода¹⁶.

Процессы социальной дифференциации протекают на постсоветском пространстве особенно болезненно, учитывая идеологию равенства, доминирующую в обществе на протяжении многих поколений. Способы и формы социальной идентификации в таких условиях все в большей степени включают в себя этнический компонент.

Как отмечает Ж. Зайончковская, к 1992 г. убыль населения России составила 7 млн. человек, но мигранты смогли компенсировать только 3,5 млн. от этой убыли. Если сохранятся нынешние тенденции, к 2050 г. население России сократится на одну треть. Чтобы компенсировать эти потери, понадобятся 45 млн. мигрантов — по 900 тыс. человек ежегодно, тогда как теперешний уровень — 186 тыс. в год¹⁷. Аналогичный вывод, но в масштабе всего мира, делает А.Г. Вишневский: «XXI век действительно станет веком великого переселения народов, и уйти от этого никуда нельзя»¹⁸.

Между тем, по словам представителей общественных организаций переселенцев, государство объявило войну мигрантам¹⁹. Речь идет не только об усложнении получения российского гражданства, но и о недостатках в системе правового обеспечения миграции, о трудностях получения вида на жительство. Принятие государством мультикультурной интеграционной модели требует не только открытости мигрантам и создания условий для их интеграции, но и соблюдения прав граждан, уже являющихся членами полиэтнического общества России. Но было бы неверно не учитывать и существующих предпосылок для мультикультурной модели, к которым относят прежде всего само существование многонациональной федерации, в которой некоторые субъекты в силу исторической традиции выделены по этническому признаку, а к наиболее явным признакам мультикультурной политики относится национально-культурные автономии (НКА), действующие в соответствии с Законом «О национально-культурной автономии», принятом в 1996 г. Базой такой политики является Конституция РФ, которая предусматривает право на сохранение родного языка, права малочисленных народов, закрепляет свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества; запрещает пропаганду социального, расового, национального или языкового превосходства.

Особенность России состоит в том, что процессы становления общероссийской государственной идентичности и возрождения идентичности русских идут параллельно. Одним из дополнительных показателей предрасположенности населения к той или другой модели интеграции могут

¹⁶ См.: Вишневский А.Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 115–130.

¹⁷ См.: Зайончковская Ж. Миграция: нежеланное спасение // Московские новости. 2002. 25 июня. С. 9.

¹⁸ Демография: Почему идет убыль населения? (Интервью с А.Г. Вишневским) // Радио «Маяк» 2003/14/09 www.radiomayak.ru.

¹⁹ См.: Зайончковская Ж. Указ. соч. С. 9.

служить установки по отношению к этническим мигрантам. На основании анализа результатов различных исследований можно было бы заключить, что общественное мнение в России отдает приоритет ассимиляционной модели, закладывая таким образом своеобразную мину замедленного действия (по данным ВЦИОМ, в 2002 г. среди тех, кто выразил крайнее неприятие лозунга «Россия для русских», подавляющее большинство составили представители других национальностей²⁰).

Идеальной моделью политики постсоветских стран было бы принятие теории многоэтнических гражданских наций, отказ от несостоятельной доктрины этнонационализма и от разделения своих подданных на «нации» и «национальные меньшинства». Ученые полагают, что этноцентризм ослабляет национальную, т.е. государственную, идею в стране. По словам З.В. Сикевиц, «в условиях социально-психологической неустойчивости своего существования человек “возвращается” в этничность как в свою “большую семью”, которая на уровне как массового, так и индивидуально-личностного сознания остается единственной ценностно-нормативной константой, способной предотвратить социальную аномию и фрустрацию»²¹.

В исследовании, проведенном в 1995 г. Фондом «Общественное мнение», русским (по паспортным данным) респондентам предложили определить «русскость»²². Признаки указывались самые различные: «имеет русскую внешность» (23% опрошенных), «имеет обоих русских родителей» (25%), «имеет одного русского родителя» (52%), «живет в России» (33%), «придерживается православной веры» (46%), «имеет российское гражданство» (57%), «говорит на русском языке» (81%), «любит русскую культуру, обычаи, традиции» (87%) и т. д. Таким образом, большинство респондентов судило о принадлежности к русской нации не «по анализу крови», а пользовалось гораздо более гибкими критериями, что говорит о незначительной роли этнонационализма в сознании русских. Вместе с тем около половины опрошенных готовы были признать этнический принцип устройства государства: 23% русских респондентов «безусловно согласны» и 24% «скорее согласны», что «надо стремиться к созданию государства, в котором русские официально признаются главной нацией» (имелось в виду, что национальность определяется по паспортным данным).

Таким образом, в середине 1990-х гг. налицо была некоторая противоречивость во взглядах на свою нацию, ее характер и роль в обществе. Тем не менее, как справедливо указывают некоторые авторы, понятия «национальные интересы», «национальная безопасность», «здоровье нации», «лидер нации» и другие производные от гражданско-политического смысла слова «национальный» достаточно прочно утвердились в языке и общественно-политической практике последних лет²³. Поэтому в русском языке и российской культуре понятие «нация» еще долго будет носить двойной смысл – народ и народы, общность граждан и общность различных этнических групп.

Одним из возможных компромиссных вариантов может стать организация деятельности на мультикультурных принципах государственных

²⁰ См.: *Щедрина О.* Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? // Социс. 2004. № 11. С. 72.

²¹ *Сикевиц З.В.* Указ. соч. С. 78–79.

²² См.: *Волкогонева О.Д., Татаренко И.В.* Этническая идентификация русских, или искушение национализмом // Мир России. 2001. № 2.

²³ См., например: *Тишков В.* Трудное прощание с этнонационализмом.

структур, сотрудники которых непосредственно взаимодействуют с полиэтническим населением²⁴. Однако исполнение формально закрепленных нормативов невозможно без их осмысления и принятия самими сотрудниками этих структур, без формирования соответствующих установок и профессиональной культуры на основе идей социальной справедливости, культурного и политического плюрализма, терпимости и гуманизма.

Таким образом, в политике и практике мультикультурализма раскрывается важность взаимосвязи политики и культуры. Мультикультурализм, представляя зримый успех левых политиков, выступает ареной жестких политических и академических баталий. Концепция мультикультурализма рисует несколько идеализированную картину современного государства, где люди различных культур и этничностей живут в равенстве и взаимопонимании. На практике мультикультурализм направлен либо на релятивизм, либо на конформность, которые либо проявляются в наивных лозунгах, либо заложены глубоко в скрытой повестке дня. Компромиссная природа политики мультикультурализма связана со взаимными уступками со стороны большинства и меньшинств.

В условиях современного демократического государства наблюдается кризис традиционных универсалистских представлений о правах человека: попытки применения универсалистских норм в мультиэтнических сообществах приводят к неожиданным конфликтам. Озабоченность европейских правительств и политических партий, выражающих локальные интересы (как правило, правых сил) по вопросам единства нации, имеют, на наш взгляд, определенное сходство с политикой Советского Союза в отношении религиозных и этнических меньшинств. Декларации о праве наций на самоопределение и свободу слова, закрепленные в Конституции СССР, вступали в противоречие с практикой вытеснения этнического и религиозного из культурного пространства. В повседневной жизни советского общества имела место стигматизация деятельности национально-культурных и религиозных групп в терминах социальной опасности — националистического или религиозного экстремизма, буржуазного национализма. Репрессии против меньшинств опирались на идеологическую доктрину единой общности — советского народа. Отечественный опыт управления полиэтническим государством, в частности, концепции нациестроительства и национальной политики, характеризуются противоречивыми последствиями, с особой остротой проявившими себя в переходный период в конце XX в.

В современном мире, пронизанном процессами мобильности больших групп населения и изменений социальной структуры, нередко настороженность в отношениях к представителям групп меньшинств или иммигрантам перерастает в нетерпимость, которая проявляется не только на бытовом уровне, но и в общественных институтах, в установках и практической деятельности государственных структур, в СМИ. Одним из способов либерально-демократического противодействия этой опасной тенденции в последние годы стали идея и практика мультикультурализма. Культурное многообразие — это характеристика современного общества, и значимость этой категории в ближайшем будущем будет только расти. Толерантность и уважение к правам других людей являются частью современной политической атмосферы, и плюрализм в социальной и политической жизни выступает необходимой частью либерального общества.

²⁴ См.: Щедрина О. Указ. соч. С. 73.